

Е. П. Блаватская

ТИБЕТСКИЕ УЧЕНИЯ

Те, кто находятся на вершине горы, могут видеть всех людей; подобным образом те, кто обладают разумом и свободны от печали, способны взойти выше рая богов; и когда они увидели там подверженность человека рождению и смерти и печали, которыми он поражен, они открыли двери бессмертия.

"Уданаварга" (udanavarga, ched-du mjod-pa'i tshoms) из Данчжура.

В январском номере "Теософиста" за 1882 год мы обещали изложить мнения преподобного чохан-ламы — главного архивариуса библиотек, содержащих манускрипты по эзотерическим учениям, принадлежащих ринпоче ламам Талой и Ташилунпо в Тибете — относительно некоторых выводов, сделанных автором работы "Будда и ранний буддизм". Благодаря братской доброте ученика высокоученого чохана, который более, чем кто-либо в Тибете, сведущ в науке эзотерического и экзотерического буддизма, мы имеем сегодня возможность дать некоторые учения, которые имеют прямое отношение к этим выводам. Мы твердо убеждены, что письма ученого чохана и сопровождающие их примечания не могли быть получены в более благоприятное время. Кроме многочисленных и разнообразных неправильных представлений о наших учениях, мы были сильнее, чем когда-либо, озадачены тем, что некоторые из наиболее разумных спиритуалистов были введены в заблуждение относительно действительной позиции и веры индусов и буддистов в отношении "духов умерших". На самом деле, согласно некоторым спиритуалистам, "буддийская вера пропитана отчетливыми и специфическими признаками современного спиритуализма, связанными с существованием и руководящей ролью духов умерших", и теософы были обвинены в неправильном представлении этой веры. Так, теософы имели смелость утверждать, например, что эта "вера в проникновение бестелесных человеческих духов" была *anathema maranatha* [предметом осуждения] на Востоке, тогда как "на самом деле, это есть основополагающий принцип буддизма".

То, что думает всякий индус, к какой бы касте он не принадлежал и какое бы образование не имел, по поводу "проникновения духов умерших", столь хорошо известно повсюду в Индии, что было бы пустой тратой времени повторять это. Существует несколько людей, обратившихся в современный спиритуализм, таких, как Бабу Пири Чанд Митра, удивительная личная чистота жизни которого сделала безвредным для него такое общение, даже если бы он не был безразличен к физическим феноменам, придерживаясь лишь духовной, субъективной стороны такого общения. Но, поскольку это есть исключения, то мы вновь решительно заявляем то, что мы всегда утверждали: что нет ни одного индуса, который не испытывал бы отвращения к самой идее о появлении бестелесных "духов", которых он всегда будет считать нечистыми; и что за этими исключениями никакой индус не верит в то, что кроме как в случае самоубийства, или смерти в результате какого-нибудь несчастного случая, какой-либо дух, за исключением дьявольского, может вернуться на землю. Поэтому, освободив от ответа индусов, мы представим идеи северных буддистов по этому вопросу, надеясь в благоприятное время добавить к ним и представления южных буддистов. И, когда мы говорим о "буддистах", мы не включаем сюда многочисленные еретические секты, распространенные повсюду в Китае и Японии, которые утратили всякое право носить такое название. С ними мы не имеем ничего общего. Мы подразумеваем лишь буддистов Северного и Южного храмов — так сказать, католиков и протестантов в буддизме.

Тема, о которой пишет наш ученый тибетский корреспондент, основывается на нескольких прямых вопросах, предложенных ему нами с покорной просьбой о том, чтобы они не были оставлены без ответа, и на следующих параграфах из статьи "Будда и ранний буддизм":

Я довольно подробно остановился на этом супернатурализме, потому что он очень важен для нашей темы. Буддизм безусловно был тщательно разработанным инструментом для того, чтобы свести к нулю действия злых духов при помощи добрых духов, совершающим свое воздействие в наибольшей степени при помощи трупа или части трупа главного духа-помощника. Буддийские храмы, буддийские ритуалы, буддийская литургия,— все они основаны, по-видимому, на этой идее о необходимости целого тела, или же части тела умершего. Что же это были за духи-помощники? Любой буддист, древний или современный, немедленно сказал бы, что дух, который все еще не достиг *бодхи*, или духовного пробуждения, не может быть добрым духом. Он не может делать добра; более того, он должен совершать дурные поступки.

Ответ Северного буддизма состоит в том, что добрые духи — это будды, умершие пророки. Они приходят с некоторых "полей будд", чтобы общаться с землей.

Наш ученый тибетский друг пишет:

Позвольте мне сразу же сказать, что монахи и миряне распространяют в высшей степени нелепое и абсурдное изложение Закона Веры, популярное среди верующих Тибета. Отчет капуцина делла Пенны о братстве "Бианг-цзиуб" является полным абсурдом. Взяв из Бхагчжура и других книг тибетских законов некоторые буквальные описания, он приукрасил их своими собственными толкованиями. Так, он говорит о легендарных мирах "духов", где живут "лха, которые подобны богам"; добавляя, что тибетцы представляют себе "эти места, расположенными над великой горой, имеющей около ста шестидесяти тысяч лиг в высоту и тридцати двух лиг в окружности; она состоит из четырех частей: из кристалла — на востоке, из красного рубина — на западе, из золота — на севере, и из зеленого драгоценного камня (лазурита) — на юге. В этой обители счастья они (лха) остаются столь долго, сколь пожелают, и далее переходят в рай других миров".

Это описание намного больше напоминает (если воспоминания о периоде времени, проведенном в миссионерской школе в Лахуле не обманывают меня) "новый Иерусалим, нисходящий с небес от Бога" в видении Святого Иоанна,— этот город, размеры которого насчитывают "двенадцать тысяч фарлонгов", чьи стены были из "яшмы", здания из "чистого золота", фундаменты стен "украшены всеми видами драгоценных камней" и "двенадцать врат были двенадцатью жемчужинами",— чем город Джанг-Чхуб, как в Данчжуре, так и в представлениях тибетцев. Надо сказать, что священный канон тибетцев, Ганчжур, и комментарии к нему, Данчжур, включают в себя 1707 отдельных произведений (350 томов, состоящих из 1083 произведений для общего пользования, и 77 томов, содержащих 624 тайных сочинения).

Я могу заверить теософов, что даже если бы они случайно увидели их, то содержание этих томов осталось бы непонятным для любого человека, кому не был дан ключ к их специфическим буквам и к их скрытому значению.

Каждое описание местности имеет в нашей системе метафорический смысл; каждое имя и слово тщательно сокрыто; и ученик, перед тем как ему дадут любые дальнейшие инструкции, должен сперва изучить способ расшифровки, а уже затем — способ понимания и изучения равнозначных тайных терминов или синонимов почти для

каждого слова в нашем религиозном языке. Египетская демотическая или иероглифическая системы — это детская игра по сравнению с расшифровкой наших сакральных загадок. И даже в тех книгах, которые доступны массам, каждое предложение имеет двойное значение, одно — обращенное к необученному человеку, другое же — к тому, кто получил ключ к этим записям.

Даже попытки таких высокообразованных, ученых и добросовестных людей, как авторы работ "Буддийские летописи о западном мире" и "Будда и ранний буддизм" — поэтические гипотезы которых могут быть очень легко расстроены и одна за другой опровергнуты — не привели ровным счетом ни к чему, поистине точно так же, как и предшественники и последователи аббата Хука, Габе и других доказали свое прискорбное бессилие; хотя последние и хотели достигнуть некой цели в преднамеренном искажении непревзойденного и великолепного учения нашего благословенного учителя, Шакьямуни, а первые — нет.

В "Теософисте" за октябрь 1881 года корреспондент правильно сообщает читателям, что мудрый Гаутама Будда "настаивал на том, что посвящение должно быть открыто для всех, кто готов к нему". И это правда; такова была первоначальная цель, которую в течение некоторого времени осуществлял на практике великий Будда-Сангьяс, и перед тем, как он обрел Всеведение. Но через три или четыре столетия после того как он покинул свою земную оболочку, когда Ашока, великий покровитель нашей системы, оставил этот мир, посвященные архаты, из-за скрытого но постоянного противодействия их системе со стороны брахманов, были вынуждены один за другим уходить из этой страны и искать себе защиты за Гималаями. Таким образом, хотя народный буддизм и не был распространен в Тибете до седьмого века, буддийские посвященные в мистерии и эзотерическую систему арийского дваждырождения, оставляя свою родину, искали себе убежища у до-буддийских аскетов; у тех, кто обладал Благим Учением даже до Шакьямуни. Эти аскеты с незапамятных времен жили за хребтами Гималайских гор. Они были прямыми последователями тех арийских мудрецов, которые вместо того, чтобы последовать вместе со своими брахманскими братьями во время доисторической эмиграции от озера Манасаровара, через Снежный Хребет в долины Семиречья, предпочли остаться в своих недостижимых и неизвестных цитаделях. И не надо удивляться, если арийская эзотерическая доктрина и наши архатские учения обнаруживают полную идентичность друг с другом. Истина, подобно солнцу над нашими головами, одна; но, по-видимому, поскольку этот вечный трюизм должен был постоянно создавать как темное, так и светлое, люди помнят его. Лишь та истина может быть сохранена в чистоте и незагрязненной человеческими преувеличениями,— поскольку ее поклонники сразу же стали стремиться принять ее, и исказить и извратить ее прекрасное лицо для своих собственных эгоистических целей,— которая сокрыта вдалеке от глаз непосвященных. Со времени самых ранних универсальных мистерий до дней нашего великого Шакья Татхагаты Будды, который приспособил и объяснил эту систему для всеобщего спасения, божественный Голос Личности, известный как Куан-йин, был слышим лишь в священном уединении приготовительных мистерий.

Наш почитаемый во всем мире Цонкапа, завершая свой пятый Дангаг, напоминает нам, что "каждая священная истина, которую не может понять правильным образом непосвященный, должна быть сокрыта в тройной оболочке, пряча себя, как черепаха, которая прячет свою голову в свой панцирь; ее лицо следует показывать лишь тому, кто полон желания обрести состояние *ануттара самьяк самбодхи*",— человеку с наиболее сострадательной и просветленной душой.

Далее, существует двойной смысл и в том каноне, который открыт для народа, и, совсем недавно, стал открытым для западных ученых. Я не буду сегодня пытаться исправить ошибки,— слишком умышленные и преднамеренные, с сожалением должен сказать я, в случае авторов-иезуитов. Без всякого сомнения, даже тибетские и китайские писания, так называемые образцовые труды Китая и Японии, некоторые из которых написаны нашими наиболее учеными авторами, многие из которых (поскольку они не были посвященными, хотя и были искренни и набожны) истолковывали то, что сами не понимали правильным образом,— содержат массу мифологических и легендарных мотивов, более пригодных для детских сказок, чем для толкования Религии Мудрости, как она была проповедана Спасителем мира. Но не следует искать никого из них в каноне; и, хотя они и хранятся в большинстве библиотек ламаистских монастырей, их читают и в них безоговорочно верят только легковверные и набожные люди, чья наивность не позволяет им совершить ни малейшего шага за порог действительности. К сочинениям этого класса принадлежит "Буддийский космос", написанный бонзой Джин-чаном в Пекине; "Шин-Дао-ки", или "Рассказы о просветлении Татхагаты" Ван-Пу, книга, написанная в седьмом веке, сутра "Хи-шай", или "Книга Творения", различные сочинения о небесах и об аде, и так далее,— поэтические выдумки, группирующиеся вокруг символизма, появившегося в качестве дополнения к учению.

Но труды, которые цитирует (или, я скорее сказал бы, из которых приводит ложные цитаты) наш ученый автор, монах делла Пенна, не содержат выдумок, а просто являются информацией для последующих поколений, которые смогут в свое время обрести ключи для их правильного прочтения. "Лха", о которых говорит делла Пенна лишь для того, чтобы высмеять эту басню, те, кто "достигли состояния святости в этом мире", были просто посвященными архатами, адептами многочисленных и разнообразных уровней, обычно известными под именем бхантов, или братьев. В книге, которую знают как "Аватамсака Сутра", в главе о "Вышем Атмане — Личности — как он проявлен в характере архатов и пратьекабудд", утверждается, что "Поскольку с самого начала, все чувствующие создания помрачили истину и избрали ложь, поэтому начало существовать скрытое знание, называемое Алая Виджняна". "Кто обладает истинным скрытым знанием?" "Великие учителя Снежной Горы",— дается ответ в "Книге Закона". Снежная Гора — это "гора высотой сто шестьдесят тысяч лиг". Посмотрим, что это значит. Если просто отбросить последние три цифры, то мы получим сто шестьдесят лиг; тибетская лига составляет около пяти миль; это дает нам семьсот восемьдесят миль от некоего святого места по определенной дороге на запад. Это становится ясно для каждого, кто имеет в себе хотя бы малейший проблеск истины,— даже из дальнейшего описания делла Пенны. "Согласно их закону",— пишет этот монах,— "на западе этого мира существует некий вечный мир, рай, и в нем — святой, называемый Хопан, что означает "Святой великолепного и безграничного света". Этот святой обладает многочисленными "силами", которые все вместе именуется "чанг-чуб", и которые,— как добавляет он в примечании,— означают "духов тех, кто, в связи со своим совершенством, не заботятся о том, чтобы стать святыми, и тренируют и наставляют тела вновь рожденных лам так, чтобы они могли помочь живым людям".

Все это показывает, что эти предполагаемые умершие "чанг-чубы" являются живыми бодхисатвами, или бхантами, которые известны под различными именами в тибетском народе; среди всех остальных, лха, или "духи", как полагают, скорее существуют в духовном виде, чем телесно. После смерти они часто отказываются от нирваны — блаженства вечного успокоения, или забвения индивидуальности — чтобы остаться в виде духовных астральных эго для совершения добра своим ученикам и человечеству в целом.

По крайней мере некоторым теософам должно быть ясно мое объяснение, хотя другие, конечно, будут протестовать против такого толкования. И все же мы утверждаем, что нет никакой возможности для полностью очищенного "эго" остаться в земной атмосфере после своего освобождения от физического тела в своей собственной личности, в которой оно передвигалось по земле. Из этого правила могут быть лишь три исключения:

Если священные намерения побуждают бодхисатву, шраваку или рахата помочь в достижении того же блаженства тем, кто оказался позади него, живым людям; в этом случае он задержится, чтобы давать им наставления, как изнутри, так и извне; или, во-вторых, это те, кто, будучи чистыми, безобидными и сравнительно свободными от греха людьми в течение своих жизней, были столь поглощены какой-либо специфической идеей, связанной с одной из человеческих майя, что даже умерли среди этих всепоглощающих мыслей; и, в-третьих, люди, в которых сильная и святая любовь, такая как любовь матери к своим осиротевшим детям, создает неодолимую волю, поддерживаемую этой безграничной любовью, чтобы задержаться среди живых людей в своих внутренних эго.

Периоды времени, предназначенные для этих исключительных случаев, различны. В первом случае благодаря знанию в них достигается состояние *ануттара самьяк самбодхи* — наиболее святой и просветленной души — и бодхисатва не имеет установленного предела времени. Привыкший во время своей жизни оставаться в течение часов и дней в своей астральной форме, он обладает силой создавать после смерти вокруг себя свои собственные условия, рассчитывая воспрепятствовать естественной тенденции других принципов восстановить свои соответствующие элементы, и может опускаться или даже оставаться на земле сотни и тысячи лет. Во втором случае этот период будет продолжаться вплоть до того момента, когда всевластное магнетическое притяжение субъекта его мысли — столь сильно сконцентрированное в момент смерти — ослабнет и постепенно исчезнет. В третьем случае притяжение разрушится либо благодаря смерти, либо вследствие морального недостойнства того, кого любят. Во всяком случае, оно не может длиться дольше, чем время человеческой жизни.

Во всех остальных случаях появлений или взаимоотношений любого рода, "дух" окажется злобным "бхутом" или, в лучшем случае, "ролангом" — лишенной души оболочкой некоего "элементария". "Благое Учение" отвергается из-за неправомерных обвинений в том, что лишь одни "адепты" претендуют на обладание бессмертием. Никто из восточных адептов или посвященных никогда не выдвигал подобной претензии. На самом деле, наши Учителя учат нас, "что бессмертие является обусловленным", и что шансы адепта, который стал знатоком Алая Виджняны, высшей мудрости, вдесятеро выше, чем у того, кто невежественен относительно возможностей, заключенных внутри своего Эго, и позволяет им оставаться в дремлющем и непотревоженном виде вплоть до того момента, когда уже слишком поздно, чтобы пробудить их в этой жизни. Но адепты знают на земле не больше, и их силы здесь не сильнее, чем будут знания и силы среднего доброго человека, когда он достигнет своего пятого и, особенно, шестого цикла или круга. Наше нынешнее человечество все еще находится в четвертом из семи великих циклических кругов. Человечество — это ребенок, который вряд ли еще освободился от своих пеленок, и высший адепт настоящего века знает меньше, чем он будет знать в детском возрасте в седьмом раунде. И так как человечество является коллективным младенцем, то таков же и отдельный человек в его нынешнем развитии. И, поскольку вряд ли стоит ожидать, что маленький ребенок, хотя бы и развитый не по годам, будет помнить свое существование с момента рождения, день за днем, каждый из которых содержит какое-либо переживание, и различные одежды, которые он носил в каждый из этих дней, так же и "эго", если оно не принадлежит адепту, достигающему состояния *самма-самбуддхи*, — в течение которого

озаренный видит длинную серию своих прошедших жизней во всех своих предыдущих рождениях в других мирах,— никогда не способно вспомнить разнообразные жизни, через которые оно проходило. Но такое время должно наступить однажды. Если человек не является непоправимым сенсуалистом, обрекающим себя по этой причине на полное уничтожение после одной из таких греховных жизней, этот день настанет тогда, когда, достигая состояния полного освобождения от любого греха или желания, он увидит и воскресит в памяти все свои прошлые жизни столь же легко, как человек нашего века обращается назад и просматривает, день за днем, каждый день своего существования.

Мы можем добавить несколько слов для объяснения предыдущего отрывка, относящегося к Гуань-инь. Эта божественная сила была в конце концов превращена антропоморфизмом китайских буддийских ритуалистов в определенное двуполое божество с тысячей рук и тысячей глаз, и названа бодхисатвой Гуань-шай-инь, Голос-Божество, но в действительности она означает голос вечно присутствующего скрытого божественного сознания в человеке; голос его истинного Эго, который может быть в полной степени вызван и услышан только благодаря великой нравственной чистоте. Следовательно, Гуань-инь должен быть, так сказать, сыном Будды Амитабхи, который порождает этого Спасителя, милосердного бодхисатву, "Голос", или "Слово", которое распространено повсюду, "Звук", который вечен. Он имеет то же самое мистическое значение, что и Вач у брахманов. В то время как брахманы охраняют вечность Вед от вечности "звука", буддисты утверждают при помощи синтеза вечность Амитабхи, следовательно, он был первым, кто доказал вечность Само-рожденного, Гуань-инь. Гуань-инь — это Вачишвара, или Голос-Божество, у брахманов. Оба они имеют то же самое происхождение, что и Логос греков-неоплатоников; "проявленное божество" и его "голос", обнаруживаемые в человеческом Эго, его сознании; в Эго, являющемся невидимым Отцом, и "голосе Эго" — Сыном; каждый из них связан с другим и соотносится с ним. И Вачишвара и Гуань-инь играли, и все еще играют, выдающуюся роль в ритуалах посвящения в брахманической и буддийской эзотерических доктринах.

Мы можем также отметить, что адептам не нужно быть бодхисатвами или рахатами; и еще меньше им нужно быть брахманами, буддистами, или даже "азиатами",— поскольку адепты есть просто святые и чистые люди любой нации и вероисповедания, которые устремляют все свои жизни на то, чтобы принести добро человечеству.

"Люцифер", сентябрь 1894 г.

УЧЕНИЯ О СВЯТЫХ "ЛХА"

Формы, в которых могут быть вновь рождены какие-либо живые существа, шестиричны. Высшим классом являются лха, "духи, высшие существа, боги"; они занимают место за буддами и населяют шесть небесных областей. Две из этих областей относятся к земле; но четыре остальные, которые рассматриваются как высшие дворцы, расположены в атмосфере далеко за землей.

"Бардо" продолжается как следствие преждевременной кончины. Это промежуточное состояние между смертью и новым рождением,— рождением, которое не наступает немедленно, но между ними существует некий интервал, который короче для доброго человека, чем для дурного.

Эмиль Шлагинтвейт, "Буддизм в Тибете".

Следующие замечания, составленные, или, скорее, переведенные (столь внимательно, насколько это позволяют идиоматические трудности) из тибетских писем и рукописей, которые были получены в качестве ответа на некоторые вопросы, имеющие отношение к неправильным западным представлениям о северном буддизме, или ламаизме. Информация получена от гелонга [настоятеля] Внутреннего Храма, приверженца, Тайной Доктрины — Дхармабаспа.

Поскольку братья, живущие в *Gya-P-heling* (Британской Индии) почтительно привлекли внимание моего учителя к некорректным и вводящим в заблуждение утверждениям по поводу Благого Учения нашего благословенного *Phag-pa Sang-gyas* (самого святого будды), о которых заявлялось, что они якобы распространены в *Bhod-Yul* (на тибетской земле), я был послан преподобным *Ngag-pa*, чтобы ответить им. Я сделаю это настолько, насколько позволят мне наши правила открыто обсуждать столь священный вопрос. Я не могу сделать большего, поскольку, до того дня, когда наш *Pban-chhen-rin-po-che* воплотится в стране *P-helings* (иностранцев) и, появившись как великий *Chom-den-da* (победитель), разрушит своей могущественной рукой все ошибки и все невежество веков, было бы немного толку — если вообще какой-либо — от попыток искоренения подобных заблуждений.

Пророчество Цонкапы приводит в Тибете к такому впечатлению, что истинное учение будет сохраняться во всей своей чистоте лишь столь долго, сколько Тибет будет свободен от вторжения западных народов, чьи грубые представления о фундаментальных истинах неизбежно помрачили бы последователей Благого Закона. Но, если западный мир скорее устремлен в направлении философии, то когда произойдет воплощение Панчен Римпоче — Великого Сокровища Мудрости — одного из таши-лам, сияние истины осветит весь мир. Именно в этом подлинный ключ к тибетской исключительности.

Наш корреспондент продолжает:

Из многочисленных ошибочных взглядов, представленных на рассмотрение нашего учителя, мне было позволено обратиться к следующим: во-первых, к ошибке, широко распространенной среди *Ro-lang-pa* (спиритуалистов), что те, кто следует Благой Доктрине, имели общение и испытывали благоговение к духам *Ro-lang*, — или призракам умерших людей; и, во-вторых, что *Bhante* (братья) или, как их называют в народе, "лха", — это либо бесплотные духи, либо боги.

Первая ошибка обнаруживается в книге "Будда и ранний буддизм", поскольку эта работа дала начало неправильному мнению о том, что спиритуализм исходит из того же основания, что и буддизм. Вторая ошибка находится в "Кратких заметках о великом хаосе тибетских законов" капучина делла Пенны и в отчете, составленном его компаньоном, чьи абсурдные клеветнические измышления о тибетской религии и законах, написанные в прошлом столетии, были недавно переизданы в "Тибете" м-ра Маркхема.

Я начну с первой ошибки, — пишет наш корреспондент. — Ни южные, ни северные буддисты, будь то на Цейлоне, в Тибете, Японии или Китае, не признают западных идей о возможностях и свойствах "лишенных [тела] душ".

Ибо мы безусловно и абсолютно осуждаем все неквалифицированные общения с *Ro-lang*. Поскольку, чем же являются те, которые возвращаются? К какому роду созданий принадлежат те, кто может по своей воле иметь общение посредством волевого воздействия или при помощи физического проявления? Они являются нечистыми, в высшей степени греховными, душами "a-tsa-gas" (самоубийц) и тех, кто преждевременно

скончался в результате несчастного случая и должен задержаться в земной атмосфере вплоть до полного истечения естественного срока своей жизни.

Никакой здравомыслящий человек, будь то лама или *Chhipa* (небуддист), не отважится защищать практику некромантии, которая благодаря некоторой естественной интуиции была осуждена во всех великих Дхармах (законах или религиях), а вступление с ними в связь и использование сил этих привязанных к земле душ является обыкновенной некромантией.

Далее, существа, включенные во второй и третий классы — самоубийцы и жертвы несчастных случаев — не завершили естественного срока своих жизней; и, в результате этого, хотя они и не должны быть обязательно злыми, они все же привязываются к земле. Преждевременно изгнанная из тела душа пребывает в неестественном состоянии; первичный импульс, благодаря которому существо развивалось и было ввергнуто в эту земную жизнь, еще не исчерпал себя — и необходимый цикл не был завершен, но он должен быть тем не менее закончен.

И все же, хотя эти несчастные существа, вольные или невольные жертвы, и привязаны к земле, они все же лишь подвешены, так сказать, в поле магнетического притяжения земли. В отличие от первой группы, они не привязываются к живым существам из-за сильного стремления питаться их жизненной силой. Их единственное побуждение — слепое, поскольку они находятся в совершенно ошеломленном и оглушенном состоянии — это войти в круговорот перерождений как можно быстрее. Их состояние мы называем ложным *Bar-do* (периодом между двумя перевоплощениями). В зависимости от кармы — на которую влияют возраст и заслуги человека в прошлом рождении — этот интервал будет длиннее или короче.

И только лишь некоторое непреодолимо сильное притяжение, такое как святая любовь к дорогому существу в великой опасности, может привести их, с их согласия, к живым существам; но месмерическая сила *Va-po* (некроманта) — это слово использовано преднамеренно, поскольку некромантические чары — *Dzu-tul*, или то, что вы называете месмерическим притяжением — может заставить их появиться перед нами. Такое призывание, однако, полностью отвергается теми, кто придерживается Благого Учения; ибо вызванная таким образом душа неминуемо совершает только злые дела, даже если это не она сама, а лишь ее образ, который был вырван или оторван от нее для того, чтобы стать привидением; из-за ее преждевременного отделения от тела в результате насилия, *jang-khog* (животная душа) все еще сильно нагружена материальными частицами, — поскольку не произошло естественного отделения крупных молекул от более мелких, — и некромант, искусственно завершая такое разделение, почти всегда заставляет ее страдать так же, как и любого из нас, если бы он снял с него кожу живьем.

Таким образом, вызывать существа первого класса — чрезвычайно зловредные души — опасно для живых; заставить появиться существа второго и третьего класса — крайне мучительно и жестоко по отношению к мертвым.

В том случае, если человек умер естественной смертью, существуют совершенно различные состояния; душа почти всегда, а в случае своей исключительной чистоты, полностью находится вне досягаемости некроманта; следовательно — и вне сферы деятельности круга вызывающих, или спиритуалистов, которые, сами того не осознавая, практикуют настоящий *Sang-nyag* некромантов, или магнетическое колдовство. В соответствии с кармой прошлого рождения, период скрытого состояния — обычно проходящий в оцепенении — будет продолжаться от нескольких минут до, как правило,

нескольких недель, возможно, нескольких месяцев. В течение этого времени *jang-khog* (животная душа) готовится в торжественном спокойствии к своему перемещению либо в высшую сферу, — если она достигла своего седьмого человеческого локального уровня эволюции, — или к своему более высокому перерождению, если она еще не прошла последнего локального раунда.

При всем том, она не хочет и не обладает силой в это время для того, чтобы передать какую-либо мысль живым людям. Но после завершения этого периода скрытого существования новое эго в полном сознании вступает в блаженную страну Девачан, — где рассеиваются все земные заблуждения, и перед его духовным взором в удивительной ясности проходят картины прошлой жизни, — тогда оно может, при внезапной встрече с теми, кого оно любило на земле, и кто любил его, побудить к общению при помощи одного только притяжения любви, духи живых людей, которые, возвращаясь в обычное состояние, воображают, что оно спускалось к ним.

Таким образом, мы радикально отличаемся от западных *Ro-lang-pa* (спиритуалистов) так же как и от того, что они видят и с чем вступают в общение в своих кругах и при помощи своей бессознательной некромантии. Мы говорим, что это лишь материальные отбросы, или лишенные духа останки умершего существа; то, что было выделено, отброшено и оставлено позади, когда его тонкие частицы перешли в загробную жизнь.

В них задерживаются некоторые фрагменты памяти и интеллекта. Безусловно, все это было когда-то частью существа, и потому обладает некоторым интересом; но в действительности и на самом деле это не есть существо. Образованное из материи, пусть даже отчасти наполненной эфиром, оно должно быть рано или поздно вовлечено в водоворот, в котором существуют условия для его атомического уничтожения.

Другие принципы исчезают из мертвого тела. Несколькими часами позже второй принцип — принцип жизни — полностью угасает и обособляется от человеческой и эфирной оболочек. Третий — жизненный двойник — в конце концов рассеивается, когда разрушаются последние частицы человеческого тела. Тогда остаются четвертый, пятый, шестой и седьмой принципы: тело воли; человеческая душа; духовная душа, и чистый дух, который является аспектом Вечного. Оба последних, соединяясь с личным эго или обособляясь от него, создают вечно дрящущую индивидуальность и не могут исчезнуть. Оставшееся переходит в состояние созревания — астральную душу и в то, что сохранилось в ней от воли перед разрушением физического тела.

Следовательно, для любого сознательного действия в этом состоянии требуется квалификация адепта или сильная, непреходящая, возвышенная и святая любовь к тому, кого умерший оставил на земле; так как в другом случае астральное эго либо становится бхутом, — *ro-lang* по-тибетски, — либо приступает к дальнейшему перемещению в высшие сферы.

В первом случае лха, или "человеко-дух", может проживать среди живых людей неопределенное время по своему собственному выбору; во втором случае так называемый "дух" будет жить и задержит свое окончательное перемещение лишь на небольшой период времени; желаемое тело удерживается в плотном состоянии пропорционально силе любви, которую испытывает душа, и ее нежеланию расстаться с любимыми существами.

При первом же ослаблении воли оно разрушится, постепенно утрачивая свою индивидуальность и все воспоминания о ней, поднимаясь в высшие области. Таково учение. Никто не может защитить смертных, кроме одних только избранных,

"достигших", "*Byang-tsiub*", или "бодхисатв", — тех, кто проник в великую тайну жизнь и смерти, — поскольку они способны по своей воле продлить свое пребывание на земле после "смерти". Используя простонародную фразеологию, такие защитники должны "рождаться вновь и вновь" для блага человечества.

Если бы спиритуалисты, вместо того чтобы наделять силой "контролирующих" и "руководящих" живых личностей каждого духа, называющего себя "Джоном" или "Питером", ограничили бы способности перемещения и воздействия, свойственные немногочисленным избранным чистым мужчинам и женщинам, лишь кругом таких бодхисатв или святых посвященных — рожденных на земле буддистами или христианами, брахманами или мусульманами — и, в исключительных случаях, святыми и безгрешными людьми, которые имеют некое устремление, некую поистине благотворную миссию, которую они должны выполнить после своей кончины, — тогда они были бы ближе к истине, чем они находятся сегодня.

Приписывать сакральное превосходство (как они это делают) каждому "элементарю" или "элементалу", вырядившемуся в одолженный плюмаж и появившемуся для цели не более достойной, чем просто сказать: "Как поживаете, м-р Снукс?", и пить чай с тостами, — это кощунственная и весьма прискорбная точка зрения для того, кто обладает интуитивным ощущением величественной сакральности таинства физического перемещения, не говоря уж об учении адептов.

Далее делла Пенна пишет:

"Эти *chang-chub* (ученики высшего святого) еще не стали святыми, но они овладели в высшей степени пятью добродетелями — милосердием, как мирским, так и духовным, ясным пониманием закона, великим терпением, великим усердием в работе по совершенствованию, и наиболее возвышенным созерцанием".

Мы хотели бы знать, каким образом они могли бы овладеть всеми этими качествами, и особенно последним — трансом — если они физически мертвы!

Эти *chang-chub* завершили свой путь и освободились от последующих трансмиграций, переходя из тела одного ламы в тело другого; но лама [имеется ввиду далай-лама] всегда наделен душой того же самого *chang-chub*, хотя последний и может пребывать в телах других существ для пользы живых, чтобы обучать их Закону, — что и является причиной их нежелания становиться святыми, поскольку тогда они не будут иметь возможность наставлять их. Движимые жалостью и состраданием, они хотят остаться *chang-chub*, чтобы учить живых людей Закону, позволяющему им побыстрее завершить трудный путь своих перерождений. Кроме того, если эти *chang-chub* пожелают, они свободны перемещаться в те или иные миры, и в то же самое время перемещаться в другие места с той же целью.

Это довольно запутанное описание содержит в своем внутреннем значении два факта: во-первых, что тибетские буддисты — мы говорим об образованных классах — не верят в возвращение духов умерших, если душа не стала на земле столь чистой, что сотворила в себе состояние бодхисатвы (высшей степени совершенства, следующей за состоянием будды), и даже святые, в обычном понимании этого термина, неспособны руководить живыми или учить их после своей смерти; и, во-вторых, что отрицая теории о творении, Боге, душе, — в их христианском и спиритуалистическом смысле, — и о дальнейшей жизни индивидуальности после смерти, они все же наделяют человека такими возможностями его воли, что именно от него становится зависящим — стать ли

бодхисатвой и обрести ли силу для того, чтобы регулировать свои будущие состояния, либо в физической, либо в полуматериальной форме.

Ламаисты верят в неразрушимость материи, как некоего элемента. Они отрицают бессмертие, и даже выживание *персонального* эго, и учат тому, что лишь одно только *индивидуальное* эго — то есть, составной агрегат многочисленных персональных эго, которыми было представлено это Единое в течение долгой серии разнообразных существований — может выжить после смерти. Последнее может даже стать вечным, — слово "вечность", употребляемое в этой связи, охватывает лишь период великого цикла, — вечным в своей целостной индивидуальности, но это может быть достигнуто только путем становления дхьян-чоханом, "небесным буддой", или тем, кого христианские каббалисты могли бы назвать "планетарным духом", или одним из элохим; некоей частицей "сознательного целого", состоящего из совокупности разумов в их универсальном единстве, в то время как нирвана является "бессознательным целым". Тот, кто становится *Tong-pa-pu'i* (тем, кто достиг состояния абсолютного освобождения от любого желания личного бытия, высшего состояния святости), пребывает в не-существовании и больше неспособен приносить пользу смертным. Он есть "*Nipang*", ибо он достиг конца "*Thar-lam*", пути освобождения или спасения от перевоплощений. Он не может совершать *Tul-pa* (произвольное воплощение, временное или на срок всей жизни) в тело живого человеческого существа; ибо он является "*Dang-ma*", полностью очищенной душой. С этого времени он освобожден от опасности "*Dal-jog*", человеческого перерождения, поскольку семь форм существования, — лишь шесть из них доступны непосвященному, — подверженных трансмиграции, были благополучно пройдены им. "Он с безразличием взирает в каждой из сфер пути восхождения в течение всего периода времени, охватывающего краткие периоды личного существования", — говорит Книга *Khiu-ti* (Гью-дэ).

Но, так как "необходимо большое мужество для того, чтобы принять бытие вместо небытия, жизнь вместо смерти", существуют и такие среди бодхисатв и лха, — "и их можно встретить столь же редко, как цветы удамбара", — кто по своей воле отказывается от блаженства достижения совершенного освобождения и остается в своем персональном эго, либо видимым, либо невидимым для человеческого взгляда, — чтобы помогать своим бедным братьям и учить их.

Некоторые из них продолжают свою жизнь на земле — хотя и не до какого-то сверхъестественного предела; другие становятся "дхьян-чоханами", классом планетарных духов, или "девов", которые, будучи, так сказать, ангелами-хранителями людей, являются единственным классом из семиричной иерархии духов в нашей системе, которые сохраняют свою персональность. Эти святые лха, вместо того, чтобы наслаждаться плодами своих деяний, приносят себя в жертву в невидимом мире, как господь *Sang-gyas* (Будда) сделал это на земле, и остаются в Девачане — мире блаженства, наиболее близком к земле.

"Люцифер", октябрь 1894 г.
